

Литература

1. Болдырева Л.Б. Обучение монологической речи студентов первого курса языкового вуза с опорой на учебные тексты (на материале английского языка): дисс. ... канд. пед. наук. – Л., 1987. – 282 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – 357 с.
3. Гурвич П.Б. Некоторые основные вопросы факультативного обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. – 1968. – № 3. – С. 45–49.
4. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: готовим к диалогу культур: пособие для учителей учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования. – Минск: Лексис, 2003. – 184 с.
5. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 237 с.

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНО НЕСПРАВЕДЛИВЫХ МЕНАСИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Особое место в системе регулятивных средств диалогического взаимодействия [подробнее о регулятиве: 4] занимают высказывания со значением **угрозы** (также: менасивные высказывания), под которыми понимаются естественно-языковые высказывания, объединенные между собой глобальной коммуникативной целью, чтобы каузировать адресата к совершению определенных действий или отказу от них с указанием на возможные санкции по отношению к нему и способствовать активизации фреймовой конфигурации коммуникативной ситуации «угроза» (типовой фрейм «угроза») в ментальном пространстве носителей языка [1; 6; 8]. Одним словом, данный прагматический тип высказываний характеризуется необходимостью для адресата следовать каузируемым действиям, что обусловлено возможностью применения к нему санкций, в случае, если он их не выполнит.

Как известно, типовой фрейм «угроза» характеризуется определенными условиями функционирования и конкретизаторами иллокутивного потенциала [подробнее о трихотомической иерархической системе условий реализации иллокутивного потенциала: 4]. В частности, этот фрейм реализуется в таком положении дел в контексте речевого взаимодействия, при котором соблюдены его предварительные условия:

- адресат *в состоянии выполнить* каузируемое угрозой действие, *оценив последствия* возможных менасивных действий со стороны автора угрозы;

- адресант в состоянии контролировать выполнение каузируемых действий.

Для типового фрейма «угроза» также характерно то, что адресант называет будущее действие, которое он ожидает от адресата, т. е. ответное (каузируемое) действие совершается в пользу говорящего. При этом адресант угрозы учитывает возможность совершения указанного действия слушающим и отказ от него, что отчетливо прослеживается в условно-следственной или *антецедентно-консеквентной* природе менасивных высказываний. Например: (1) *Stand off from me, or I'll split your head against the wall* (Dickens, 2010); (2) *I will break your bones if you speak another word* (Scott, 2010); (3) *But if you forget it, Robert, I shall never forgive you as long as I live* (Doyle, 2010); (4) *I shall do you a mischief, a mischief worse than that, if you say much more!* (Dickens, 2010); (5) *I must presently beat you myself unless you come to the point* (Scot, 2010).

Примечательно, что типовой фрейм «угроза» конкретизируется и такими дополнительными факторами как отсутствие заинтересованности у адресата в осуществлении угрозы со стороны говорящего, отрицательное отношение адресата к содержанию обращенного к нему иницилирующего действия и к самой перспективе осуществления названного в нем действия, а также тем условием, что перспектива реализации говорящим менасивного действия становится причиной появления аффицированного / дискомфортного эмоционального состояния для адресата [6, с. 61; 8].

Другими словами, актуализация иллокутивного фрейма «угроза» происходит на фоне совокупности функциональных условий и их дополнительных конкретизаторов, которые закладывают основу для формирования матрицы, фрейма или функционально-семантического представления «угроза» [1; 6], обуславливают однозначную интерпретацию собеседниками прагматической направленности обращенных к ним высказываний, а также облегчают успешное продвижение партнеров к глобальной цели взаимодействия в рамках типового фрейма «угроза».

Примечательно, что у партнеров указанное «единство типового образа сценарного фрейма» [5, с. 29] угрозы (а не сходство их субъективных представлений и интерпретаций высказываний со значением угрозы) маркируется определенным архивом языковых средств – эксплицитных, имплицитных, косвенных – и оценивается участниками дискурсивного взаимодействия как социально узнаваемое в определенной ситуации. Следовательно, адекватная реализация интерактивной (фреймообразующей) функции иллокутивного фрейма «угроза» на основе комплексного учета собеседниками функциональных условий и психо-социального контекста [см. также: 2; 3; 7] способствует оценке таких высказываний, как **коммуникативно справедливых менасивных высказываний.**

На первый взгляд может показаться достаточно спорным утверждение о том, что менасивные высказывания могут быть оценены как коммуникативно справедливые, так как они вводят адресата в состояние дискомфорта [см. подробнее о конструкторе угрозы: 1; 6] и принуждают его совершить какие-либо действия в интересах адресанта. Однако, несмотря на когнитивную сложность ситуации угрозы и прагматическую специфику феномена менасивных конструкций важно иметь в виду, что высказывание не может являться коммуникативно справедливым или несправедливым априори, так как установить коммуникативную справедливость представляется возможным только в момент реализации высказывания в диалоге, учитывая при этом стратегическую направленность речевых действий собеседников. К тому же, как показывает анализ эмпирического материала, прагматический тип менасивных высказываний появляется, как правило, в ситуациях, когда возникают тематические противоречия между собеседниками.

С указанных позиций заслуживает внимания и тот факт, что автор менасивного высказывания редко переходит к непосредственной реализации декларированного им наказания, а данный прагматический тип высказываний не всегда приводит к диалогическому рассогласованию и коммуникативной конфронтации собеседников.

Получается, что высказывания со значением угрозы могут служить средством достижения коммуникативных целей автора в ситуации, когда другие языковые средства не способны это сделать или когда сама ситуация требует прагматического воздействия именно менасивной силы [см. о прагматическом воздействии менасивных высказываний: 6]. Например, в приведенном ниже дискурсивном фрагменте (6) полужирным курсивом выделено коммуникативно-справедливое менасивное высказывание (1''), т. е. высказывание, автором которого были соблюдены функциональные условия реализации типового фрейма «угроза»:

– *Get up!* – said Mrs. Bumble, in a voice of command (1'). – ***And take yourself away from here, unless you want me to do something desperate*** (1'').

Mr. Bumble rose with a very rueful countenance: wondering much what something desperate might be. Picking up his hat, he looked towards the door (Dickens, 2010).

Так, адресант менасивного высказывания (1'') в состоянии контролировать выполнение каузируемых им действий, а адресат в состоянии выполнить каузируемое угрозой действие; адресант желает совершения действия и становится причиной воздействия (*unless you want me to do something desperate*) для его выполнения и называет будущее действие (*take yourself away from here*), которое он ожидает от адресата. Другими словами, в рассматриваемом фрагменте (1) выбранная говорящим форма управления

диалогическим взаимодействием и категоричная степень интенсивности воздействия соответствует условиям типового фрейма «угроза».

Примечательно и то, что рассматриваемое высказывание со значением угрозы (*I'*) указывает адресату на возможное менасивное воздействие, но также оно предоставляет ему возможность избежать менасивного воздействия, совершив каузируемые действия, и продолжить дальнейшее общение с собеседником. Однако в функциональном плане оно однозначно и выполняет свою функцию каузирования к совершению действий под упоминанием возможного наказания.

Тем не менее, в социальной практике часто встречаются формальные менасивные высказывания, т. е. высказывания, являющиеся угрозой только по формальным показателям. В таких высказываниях не реализуются их антецедентно-консеквентная природа и функциональные условия фрейма «угроза» (или реализуются частично), и, следовательно, они нарушают типовое представление собеседников о фреймовом взаимодействии и каузальной последовательности интерактивных цепочек в ситуации «угроза». Кроме того, для говорящего такие формальные высказывания со значением угрозы не способствуют «предвосхищению той или иной интерпретации иллокутивного потенциала адресатом» [4, с. 56], а для слушающего они не раскрывают целевое назначение речевых действий с учетом тех или иных гипотез в рамках типового иллокутивного фрейма. В этой связи такие высказывания можно считать **противоречащими** последовательной реализации каузальной последовательности интерактивных цепочек типового взаимодействия по фрейму «угроза» **или коммуникативно несправедливыми менасивными высказываниями**.

Среди менасивных высказываний, которые соответствуют не всему комплексу функциональных условий реализации иллокутивного потенциала «угроза», заслуживает внимания коммуникативно несправедливая менасивная практика (*I'*) следующего дискурсивного фрагмента (7):

- *I'll fix you after de show* (*I'*).
- *I'll meet you outside, after the last act* (*2'*).
- *Got a gang?* (*3'*)
- *Sure* (*4'*).
- *Then I got to get one* (*5'*) (London, 2010).

Актуализированное в рассматриваемой ситуации высказывание со значением угрозы (*I'*) *I'll fix you after de show* не соответствует ряду функциональных условий реализации иллокутивного потенциала угрозы. В частности, адресат *не в состоянии выполнить* какое-либо каузируемое угрозой действие (так как автор угрозы никакое действие не каузирует) и *оценить* последствия возможных менасивных действий со стороны автора угрозы; адресант *не в состоянии контролировать вы-*

полнение каузируемых действий (если адресант угрозы не каузирует выполнение каких-либо действий адресатом, то он и не контролирует их выполнение). Кроме того, адресант менасивного высказывания (1') *не желает* совершения действия адресатом и не в состоянии стать причиной воздействия для его выполнения, т. е. не каузирует собеседника, а желает сам совершить действие или, скорее, воздействие.

Так, автор рассматриваемого высказывания называет будущее действие, которое он сам намерен совершить не в пользу адресата, знает причину (проступок или какие-либо действия адресата), из-за которой он намерен реализовать свое менасивное воздействие на адресата. Следовательно, менасивное высказывание (1') *I'll fix you after de show* не соответствует антецедентно-консеквентной природе менасивных высказываний, так как оно не каузирует адресата к совершению каких-либо действий под упоминанием наказания, а декларирует менасивное воздействие адресанта и, следовательно, является коммуникативно несправедливым.

Как показывает анализ эмпирического материала, основным способом реализации коммуникативно несправедливых менасивных высказываний являются простые предложения, которые не передают причинно-следственные отношения между антецедентной и консеквентной частями акта угрозы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что этот прагматический тип высказываний может быть маркирован сложноподчиненными и сложносочиненными конструкциями, также не передающими причинно-следственные отношения между антецедентной и консеквентной частями акта угрозы. Например, (8) *I have you covered, and at the first move I'll shoot* (Dreiser, 2010); (9) *I'll make her change her tone if I have to use force to do it!* (Dreiser, 2010).

Итак, коммуникативно несправедливые менасивные высказывания выходят за рамки функционально-содержательной специфики типового иллокутивного потенциала «угроза», так как они не передают условно-следственные отношения между декларируемым в угрозе наказанием и условием его реализации.

Коммуникативно несправедливые высказывания загоняют адресата в рамки размытого фрейма и такую «дискурсивную деятельность трудно назвать «чистой», «надежной и последовательной» или «правильной» [5], точной, адекватной – максимально приближенной к задаваемому образцу, норме или типовой фреймовой конфигурации «угроза». Тем не менее, коммуникативно несправедливые высказывания со значением угрозы в обязательном порядке содержат указание на менасивное воздействие и, следовательно, реализуются по прагматическому варианту типового фрейма «угроза», который приобретает специфичный набор функциональных условий.

Литература

1. Новоселова О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: ТГСХА, 2013. – 22 с.
2. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34–47. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
3. Новоселова О.В. Функционально-семантические критерии коммуникативной справедливости / несправедливости менасивных высказываний // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 92–108. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
4. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
5. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Лингвистическая мозаика: Избранное. – М. Тверь: ТГСХА, 2006. – С. 23–37.
6. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – Москва; Тверь: Ин-т языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.
7. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость: прагматический подход // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. науч. тр. Международной научнопрактической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во ТПУ, 2016. – С. 146–151.
8. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature. – Vol. 5. – No. 4. – 2014. – P. 100–103.

А.Е. Полякова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ГИДРОНИМЫ ПАРАБЕЛЬСКОГО РАЙОНА¹

Исследования топонимики той или иной местности позволяет понять культурное и историческое содержание ранее существовавших объектов человеческого мира. Топонимы – это не только наименования объектов окружающего мира, в своей семантике они содержат культурно-историческую информацию.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».